ляется «своим», бытийственным. Оно соткано из чужих эпох, нравов, искусств, философских учений, религий» [1, с. 45]); «Телесное или духовное»; «Индивидуальное или социальное» («“Мы – подобные” безличные отношения массовых индивидов, предстающие в трех различных вариантах: а) обезличенная массовость тоталитарного типа, подчиняющаяся приказу, идеологической манипуляции; б) конформистская массовость потребительского общества, где главную роль играет психологическая манипуляция; в) массовость повседневности постмодернистского общества, основанная на игре символов» (Там же, с. 86); «Идентичное или расподобленное» («…индивида, который пытается выстроить коммуникацию, ждет разочарование. Там, где он рассчитывал отыскать некое человеческое содержание, оказывается пустота. Субъекта нет, а есть только социальные роли» (Там же, с. 101)); «Творческое или стереотипное»; «Мужское или женское» («Женскость современной западной цивилизации проявляется и в признании экономики ведущей сферой человеческой жизни, в приоритете материальных ценностей в современной культуре потребления, в культе чувственных наслаждений. Отсюда безволие и изнеженность современного человека <…> отсутствие харизматичности, рабская психология конформизма, покладистости и покорности, терпения и смирения» (Там же, с. 153)); «Сознательное и бессознательное»; «Личное и безличное».

Особое внимание в монографии П.С. Гуревича уделено анализу современных философско-антропологических концепций. Автор частично солидаризуется, частично вступает в полемику с «классиками» постмодернизма и представителями постсовременной философии. Нам представляется наиболее продуктивным оперирование типологией персонификаций («традиционалист», «пришелец-неофит», «изгнанник», «евнух») американского социолога Г. Абрамсона, к которой прибегает П.С. Гуревич в описании утраты идентичности [1, с. 106–107].

На границе XX и XXI столетий произошли коренные изменения в социуме, в характере труда, нравах и сознании современного индивида; возникли совершенно новые способы инкультурации и индивидуализации, радикально отличающиеся от того, что существовало до второй половины XX в. Мы так же [2], как и автор рецензируемой книги, заняты вопросами «Почему человек наших дней, вооруженный знанием, находится в потоке монструальных видений? Отчего начало нового тысячелетия сопряжено с неотвязными апокалиптическими предчувствиями?» [1, с. 190].

Современные культурология и философия культуры занимаются описанием и прогнозированием дальнейших изменений «постчеловеческого» состояния. «Антропологическое направление в культурологии <…> включает в себя проблему качеств и состояний человека» [4, с. 174]. В книге П.С. Гуревича раскрывается суть бытия человека, причем в описании процесса изменений учитывается, что в новой фазе в истории индивидуализации определяющей является уникальная перманентная текучесть, но при этом пограничность, нетождественность себе – это имманентные черты человека как такового в любую эпоху.

Литература

1. Гуревич П.С. Расколотость человеческого бытия. М. : ИФ РАН, 2009.

2. Саенко Н.Р. Поиск человека в Сети // Личность и общество: проблемы философии, психологии и социологии : сб. ст. Пенза: Приволж. дом знаний, 2010. С. 312–314.

3. Тульчинский Г.Л. Постчеловеческая персонология. Новые перспективы свободы и рациональности. СПб. : «Алетейя», 2002.

4. Щеглова Л.В. Эвристический потенциал культурологии и философии культуры // Изв. Волгогр. гос. пед. ун-та. 2011. № 8(62). С. 170–176.

Д.Н. УСТИНКИН
(Волгоград)

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ Е.Г. ТРУБИНОЙ «ГОРОД В ТЕОРИИ: ОПЫТЫ ОСМЫСЛЕНИЯ ПРОСТРАНСТВА» (М. : Нов. лит. обозрение, 2011. 520 с.: ил.)

Современный город для нас стал настолько привычной необходимостью, что воспринимается как единственно возможная среда обитания. Вся многомерность и сложность мегаполиса с позиции повседневности концентрируется на цепи неприятных, но неизбежных препятствий, с которыми мы сталкиваемся каждый день на улицах большого (и не только большого) города. Другой доступный нам ракурс осознания нашей укорененности в городе актуализируется при развитии дискус-

© Устинкин Д.Н., 2012

сий представителей мэрии, градостроителей о «возникающих» городских проблемах. Однако за этим привычным потоком «встреч» с «городским» теряется многое: ментальное картографирование городского пространства с присущими ему путешествиями личности и ее переживания, карьерные амбиции и экзистенциальные прозрения. В то же время разнообразие урбанистических теорий порой совсем не облегчает исследовательскую задачу осмысления городского опыта, его динамики, структуры и т.д.

Е.Г. Трубина убеждена, что современная урбанистическая теория возможна только как междисциплинарная теория. Автор полагает, что необходима методологическая рефлексия той совокупности парадигм, школ, течений, теорий, что образуют соответствующие исследования. Рассуждая о нарастающей сложности городской реальности, Е.Г. Трубина обращает внимание на одно из измерений этой реальности – город как множество сетей интенсивного социального взаимодействия. Для более глубоко понимания динамики городского пространства автор проводит корреляции между российским и зарубежным опытом и посвящает свое исследование пониманию трансформации городов.

В начале книги Е.Г. Трубина предлагает перейти от осмысления социальных процессов как протекающих в замкнутых городских пространствах к их пониманию как совокупности пространственных отношений, от «контейнерного» мышления перейти к реляционному. При этом автор выделяет четыре продуктивных направления такого подхода:

1) понимание города как совокупности пересекающихся сетей;

2) поиск в нем специфических соединений человеческих, природных и технических «агентов»;

3) переосмысление диалектики близкого и далекого, прежде всего с точки зрения разнообразных транснациональных связей, виртуальных, корпоративных сетей и цепей поставки товаров;

4) интерес к невидимой инфраструктуре городской жизни – от материальной оснастки повседневной жизни, такой как водопровод, широкополостные сети и т. д., до «призраков» прошлого, участвующих в настоящем посредством воспоминаний, страхов, ритуалов, травматических переживаний.

Е.Г. Трубина подчеркивает, что, несмотря на серьезный опыт построения зарубежных урбанистических теорий, было бы ошибочно автоматически переносить его на современное «постсоветское» городское пространство, выделяя такое его свойство, как «неодновременность». Последнее проявляется в сосуществовании различных темпоральностей, когда время раскрывается как собранное «из многих складок», что отражается и на языке и понятиях, используемых автором книги для описания городской современности.

Сравнивая российский и зарубежный опыт изучения городского пространства, Е.Г. Трубина обращает внимание на несколько моментов, которые должны быть учтены теми, кто изучает принципиально разные города, что связано с пространственной политикой научного исследования. Нельзя забывать также о разном контексте, в котором рождаются те или иные идеи. Важно понимать, что изменения в физической и социальной структуре современного города привели к складыванию нового типа городской агломерации, ставящей под вопрос традиционную форму, «концепт» и границы города, следует помнить, что теория всегда отстает от разворачивающихся на наших глазах изменений. В силу этих причин Е.Г. Трубина, суммируя идеи урбанистической теории, рассматривает только те, которые представляются ей особенно полезными для изучения тех или иных сторон жизни города, особенно в российском контексте. Автор обобщает альтернативные способы осмысления городов, фокусируясь на экологических, экономических, глобализационных, политических, связанных с разного рода различиями и повседневных измерениях городской жизни.

Рассуждая об экологическом измерении городской динамики, автор исследования пишет об изменении масштаба деятельности современных людей, сопоставимого с силами природы. Учитывая тот факт, что сегодня больше людей живет в городах, чем в сельской местности, Е.Г. Трубина обращает внимание на понятие «экологическая устойчивость города», фиксирующее необходимость сократить нагрузку, оказываемую городами на окружающую среду. Очевидно, что данные проблемы самым тесным образом взаимосвязаны с социальными. Об этом автор рассказывает, приводя многочисленные примеры из опыта урбанизации, с горечью отмечая, что важная проблема состоит в следующем: никто не отказался бы от жизни в более чистом и зеленом городе, но сделать что-то для этого самостоятельно не готов. Импонирует то, что автор обращает внимание на актуальную для современности ситуацию – классическую сложность организации людей для какого-то коллективного действия.

В главе «Город и мобильность» автор рассуждает об урбанистической мобильности и методиках ее исследования, выделяя такие интересные практики, как 1) практики движения – заблокированного движения (очередь, автодорожные пробки), возможного движения (речь о планах на выходные или отпуск); 2) практики неподвижности; 3) практики обитания в мире (т. е. воображаемые путешествия); 4) практики создания мест (продвижение своего музея или города среди образованной республики).

В главе, посвященной городу как локусу экономической жизни, представляет интерес раздел о креативных индустриях и креативности города. В самом общем виде автор понимает под креативностью творчество. При этом справедливо отмечается, что во многих европейских городах организуется собственный маркетинг, позволяющий позиционировать их как европейские культурные города, однако некоторые из них уже давно и прочно имеют соответствующую репутацию. Этот аспект современной городской динамики представляет интерес и для российской действительности. Здесь формируется довольно проблемный узел, обусловленный необходимостью противопоставить известным европейским городским культурным центрам отечественные, изысканием соответствующих ресурсов (материальных, информационных, креативных, человеческих, технологических), формированием адекватной многолетней стратегии их реализации, что, как показывает отечественный опыт, сопряжено с массой трудностей. В этой связи представляется актуальным анализ брендообразования европейского города как города культуры. Здесь важно использование опыта зарубежных мегаполисов, которые, оказавшись включенными в национальную, континентальную и мировую экономику, вынуждены строить свою культурную политику с учетом взаимоналожения различных уровней их экономической зависимости.

Отметим упоминаемый в рассматриваемом исследовании «Мемфис-манифест», ставший, по мнению его авторов, программным документом «креативного класса», и введение в оборот такого понятия, как «креативная экосистема». Документ содержит 10 пунктов, приведем выдержки из двух как характерные: «6) Будь подлинным. Определи, какую ценность ты вносишь, и сосредоточься на тех активах, которые делают тебя уникальным. Смей отличаться, а не походить на другое сообщество. Сопротивляйся монокультуре и однородности. 9) Возьми ответственность за перемены в твоем сообществе. Импровизируй. Меняй ситуацию. Развитие – это проект “сделай сам”».

Хотелось бы также обратить внимание на осуществленный Е.Г. Трубиной анализ потребления в городах. Верно подмечено характерное для наших современных российских мегаполисов явление – повсеместное строительство торговых центров в такой их модификации, как торгово-развлекательные комплексы, которые зачастую строятся в нарушение не только существующего архитектурного городского ансамбля, но и исторического облика города, его инфраструктуры. Иногда при этом избыточно дублируется и умножается определенный сегмент рынка услуг и развлечений.

В главе «Город и глобализация» автор анализирует явление брендинга городов. Суть этого процесса заключается в возникшей в условиях глобализма необходимости продажи отличий городов друг от друга. Е.Г. Трубина описывает сформулированные Ф. Котлером пять критериев эффективности имиджа города: 1) соответствие действительности; 2) правдоподобие; 3) притягательность (из имиджа должно явствовать, почему людям стоить жить, работать в данном городе, инвестировать, приезжать в него в качестве туристов); 4) простота; 5) оригинальность. Эти критерии применимы для оценки современного состояния и эффективности соответствующих стратегий городских администраций и в России.

Седьмая глава монографии Е.Г. Трубиной посвящена вопросам городской политики и управления городом. Здесь обосновывается выделение национальной и городской (местной, региональной) политики. Как справедливо отмечает автор, «городское» – это и пространственная, и политическая категория. Какая бы не была сформулирована дефиниция, но эта категория тесно связана с национальной экономикой и политическими процессами, а также государственными структурами. Далее автор подробно анализирует элитарные и плюралистические теории организации управления, приходя к выводу, что власть в городе заключается не только в занятии формальных постов, но и в способности определять, какие темы вообще станут предметом политического обсуждения. Здесь не последнюю роль играют СМИ и те, кто осуществляет над ними контроль. Развивая эту тему, автор вводит в проблемное поле вопросы, связанные с процессами глобализации. При этом подчеркивается, что воздействие глобализации на развитие городов имеет серьезные социальные последствия. Так, ставшие привыч-

ными выражения *утверждение демократии на местах, местное самоуправление* и т.д., по мнению Е.Г. Трубиной, сами по себе сегодня становятся проблематичными. Реакция городских правительств на процессы глобализации получила название «новый локализм», проявляющийся в том, что почти каждый город хочет занимать заметное место на карте глобализации. Для этого печатаются рекламные брошюры и плакаты, создаются веб-сайты, пестрящие фотографиями гостиниц, конференц-залов, аэропортов, однако, по меткому замечанию автора, на эти фотографии никогда не попадают промзоны и спальные районы, старые автобусы и районные больницы.

Следующая глава «Социальные и культурные различия в городе» интересна затрагиваемыми в ней острыми социальными вопросами. Действительно, различия не только создаются городской жизнью, но и сами создают город. В этом аспекте разнообразие мыслится как такая характеристика города, которая увеличивает его функциональность. Многосторонность обитателей города выступает как важнейшая предпосылка наивысших человеческих достижений. Тем не менее нельзя не согласиться с Е.Г. Трубиной в том, что конец 1990-х гг. отмечен окончательным исчезновением классовой солидарности, а исключенность из общества уже ничем не прикрыта и не украшена. «Как и аристотелевские правители, современные городские власти успешно приучают городских обитателей к социальному порядку, оставляя без минимальной социальной защиты "неподдающихся"» (с. 399).

В главе «Город и повседневность» автор рассматривает такую характерную черту современной городской жизни, как коммодификация, проявляющуюся, например, в том, что такие слова, как *эксклюзивность, элитарность, стильность*, не сходят с рекламных щитов с середины XIX в., причем сам феномен эксклюзивности девальвировался от неумеренного употребления, и уже в рекламе возводимого жилого дома мы читаем: «исключительный». Автор прав, говоря о том, что эстетизация выступает общей тенденцией, выражающейся и в театрализации политики, и в повсеместной стилизации и «брендинге», а самое главное – в росте значимости визуальных характеристик субъектов и объектов города, обеспечивающих их видимость в публичном пространстве, а также нарастании общей зависимости от тех, кто определяет, что и на каких условиях может быть показано.

В последней главе монографии «Город и метафоры» анализируется метафора применительно к урбанистическим теориям. Наибольший интерес представляют такие метафоры, как *базар, джунгли, организм и машина*. Е.Г. Трубина рассматривает особенности использования этих метафор в зарубежных теориях городских процессов и их особенности в российской урбанистической среде. Автор отмечает, что некоторые метафоры, например *джунгли*, употребляются в основном для выражения тех же смыслов и оценок, что сложились во времена классической социологии. Современное функционирование других метафор сильно отличается хотя бы тем, что они почти не употребляются позитивно – для выражения возможностей, разнообразия и целостности города. Важно понимать и то, что эти метафоры имеют не только российскую специфику и неодинаково применимы к разным городам. Москва как машина роста и Волгоград, очевидно, подчиняются не только разным динамическим характеристикам, но и аксиологической составляющей такого метафорического подхода. Кроме того, перспективы, выстраиваемые с помощью этой метафоры, не релевантны.

Таким образом, книга Е.Г. Трубиной «Город в теории: опыты осмысления пространства» написана превосходным языком, содержит иллюстрации, списки литературы после каждой главы и терминологический словарь в конце. Отметим и системность изложения автором основных и наиболее значимых урбанистических теорий, междисциплинарные связи, отсылки к особенностям российских мегаполисов, темпоральные аспекты городских процессов.

Н.Б. ШИПУЛИНА
(Волгоград)

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ С.А. ЛИШАЕВА «ПОМНИТЬ ФОТОГРАФИЕЙ» (СПб.: «Алетейя», 2012. 140 с. Сер. «Тела мысли»)

Характер перемен и современное состояние самой социокультурной реальности, а также трансформацию в принципах, подходах, методологии ее исследования часто называют визуальным (или иконическим) поворотом

© Шипулина Н.Б., 2012